

УДК 13

З.К. Басюл

АНАЛИЗ ДИСКУРСА: ОПЫТ РЕФЛЕКСИИ

Попытка осмыслить и определить значение дискурса является ничем иным, как исследованием определенного типа, а именно - исследованием смысла. Все то, что для сознания является всеобщим, есть смысл. Смысл есть «феноменальность феноменов»[1, с. 126]. Реализовать это положение в данном контексте – задача сложная, но осуществимая. Первоначально необходимо проанализировать понятие «дискурс» (представить полное его развертывание в теоретическом статусе), а затем попытаться увидеть его в практическом отображении представителей постмодернизма.

Изначально взятые мной два определения дискурса в какой-то мере должны повлиять на осмысление понятия «дискурс» и привести к некоторому частичному пониманию. Первое определение почерпнуто из толкового русско-английского словаря «Психофизиология человека» под редакцией Е. В. Трифонова:

Дискурс (discourse), лат. – речь, разговор, беседа, 14 век. Связанный текст в совокупности с экстралингвистическими факторами: прагматическими, социальными, психическими и др. Текст, взятый в событийном аспекте. Речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент познавательных процессов и взаимодействия людей. Речь, «погруженная в жизнь».

Под текстом понимают преимущественно абстрактную, формальную конструкцию, под дискурсом – различные виды ее актуализации, рассматриваемые с точки зрения процессов мышления и в связи с экстралингвистическими факторами. Термин «дискурс» не применяется к текстам, связи которых с актуальной жизнью не восстанавливаются непосредственно (например, древние тексты).

Разницу между текстом и дискурсом обозначает Т. А. ван Дейк: «Дискурс – актуально произнесенный текст, а «текст» - это абстрактная грамматическая структура произнесенного (речь / язык / parole, компетентность / произносимость). Дискурс – это понятие, касающееся речи, актуального речевого действия, тогда как «текст» - это понятие, касающееся системы языка или формальных лингвистических знаний, лингвистической компетентности»[2, с. 129].

Дискурс включает невербальные средства сопровождения речи (мимику, жесты). В соответствии с целью и структурой дискурса невербальные средства выполняют следующие функции:

- (а) ритмическую («автодирижирование»),
- (б) референтную, связывающую слова с предметной областью приложения языка (указательные жесты),
- (в) семантическую (мимику и жесты, сопутствующие некоторым значениям),

(г) эмоционально-оценочную, функцию воздействия на собеседника (жесты побуждения и убеждения).

Определение дискурса во втором словаре (философском) придает этому понятию многоликое определение. В процессе осмысления возникает лишь одна характерная черта дискурса: дискурс – вербален.

Дискурс (*discourses, discere*), лат. – блуждать. Начиная с перевода термина «дискурс», во всем последующем изложении заключается освещение тех или иных типов дискурсивных явлений (практик). По своей сути они обозначены в ряде подходов:

- 1) социологическом: анализ бытового диалога,
- 2) формальном: теория репрезентации дискурса,
- 3) вычислительном: обработка естественного языка,
- 4) когнитивном: бытийном, более глубокого понимания,
- 5) экспериментальном психолингвистическом,
- 6) типологическом.

Анализируя природу возникновения дискурса, посредством этих подходов и явлений дискурсивности можно однозначно указать на расплывчатость понятия «дискурс», так же как понятия языка, общества, идеологии. Известно, что зачастую наиболее расплывчатые и с трудом поддающиеся определению понятия становятся наиболее популярными. «Дискурс» - одно из них.

Поиск бытийного дискурса, т.е. субъект-субъектных, субъект-объектных отношений в социокультурном понимании может быть обозначен в следующем изложении.

Во-первых, дискурс в широком смысле есть коммуникативное событие, происходящее между говорящим, слушающим (наблюдателем и др.) в процессе коммуникативного действия в определенном временном, пространственном и прочем контексте. Это коммуникативное действие может быть речевым, письменным, иметь вербальные и невербальные составляющие. Типичные примеры – обычный разговор с другом, диалог между врачом и пациентом, чтение газеты (социологический подход: анализ бытового разговора).

Во-вторых, дискурс в узком смысле может являться текстом или разговором. Как правило, выделяют только вербальную составляющую коммуникативного действия и говорят о ней далее как о «тексте» или «разговоре». В этом смысле термин «дискурс» обозначает заверченный или продолжающийся «продукт» коммуникативного действия, его письменный или речевой результат, который интерпретируется реципиентами. То есть дискурс в самом общем понимании – это письменный или речевой вербальный продукт коммуникативного действия.

В-третьих, и широкое и узкое понимание дискурса включает в себя то, что употребление понятия дискурс всегда касается каких-то объектов в конкретной обстановке и в конкретном контексте: «этот дискурс», «его дискурс», «эти дискурсы». Вполне уместно любое другое возникновение дискурсов, к примеру, игровые дискурсы социальности (формальный: теория репрезентации дискурса).

В-четвертых, дискурс как тип разговора. Понятие дискурс употребляется и в этом смысле, и может касаться не конкретных коммуникативных действий, но типов вербальной продукции.

В-пятых, дискурс может выступать в качестве жанра. Он используется для обозначения, например: «политический дискурс», «новостной дискурс», «кружковой дискурс» (вычислительный: обработка естественного языка).

В-шестых, дискурс в качестве социальной формации. Наиболее абстрактный смысл понятия дискурс – когда оно относится к специфическому историческому периоду, социальной общности или к целой культуре. Например, «коммунистический дискурс», «буржуазный дискурс», «организационный дискурс». В этих же случаях – по аналогии с социологическими понятиями «социальная формация» или «социальный порядок» - говорят «дискурсивная формация» или «дискурсивный порядок».

Представляется целесообразной попытка при рассмотрении и усвоении ряда этих дискурсивных явлений хотя бы частичного их предметного отождествления с особыми представлениями ряда философских концепций.

Но прежде чем приступить к распределению тех или иных концепций по ряду их признаков к тому или иному виду дискурса, хотелось бы уделить некоторое внимание к предполагаемым видам дискурса, рассмотренным Г. Б. Гутнером. В основе его рассуждений лежит новое определение дискурса, включающее в себя иное значение - терминологических конструкций. Так, например, всякое историческое исследование подразумевает введение некоторой системы категорий, адекватных для представления описываемых фактов. История Рима оперирует категориями «республика», «принципат», «империя» и т.д. История средних веков использует иной набор терминов: «феод», «лен», «вассал», «сеньор». История философии оперирует собственными понятиями: «истоки», «первоначала», «форма», «структура», «концепция» и т.д. Всякий устанавливаемый факт должен быть представлен в терминах, и вводятся они заимствованным способом либо введенным самим исследователем. Далее предполагается, что существуют отношения, отношения между терминами, где и раскрывается их полнота. Эта полнота в результате и составляет дискурс или так называемую терминологическую концепцию.

Отсюда напрашивается вывод о том, что существует два типа дискурса: теоретический и философский. Особенностью теоретического дискурса является претензия на то, что он представляет описание некоторой реальности. Взаимоотношения с реальностью во многом определяются спецификой конкретной науки, но всякий раз они сводятся к трансформации дискурса, которая требует изменения или дополнения системы терминов, установления иных отношений между ними, отказа от лишних терминов и отношений. Так или иначе, теоретический дискурс обнаруживает тенденцию к росту и трансформации, причем нужно признать, что дискурс, как правило, не пересматривается полностью, но обогащается новыми терминами и отношениями. Но помимо «столкновений с реальностью» теоретический дискурс сталкивается с другим дискурсом, и это столкновение может пройти бесследно. Так, научный дискурс зависит от

культурных либо метафизических предпосылок, исторический или социологический – от идеологических. Всякий ученый имеет те или иные методологические предпочтения. Так или иначе, всякий теоретический дискурс подразумевает ряд предпосылок, которые не проговариваются в самом дискурсе. Основа этих предпосылок выливается в иной дискурс, который разворачивается, например, в сфере методологии, культурологии и т.д. С чем бы ни сталкивался этот дискурс – с другим дискурсом или реальностью, – всякое столкновение приводит к расширению этого дискурса, к дополнению в него элементов другого. Расширение сферы какого-либо знания, т.е. познание реальности, состоит в конструировании «реальных фактов», которые должны быть встроены в уже наличный дискурс в качестве его конструктивных частей. Построение какого-либо дискурса есть создание общей конструкции, включающей в себя исходные предпосылки определенной науки, благодаря чему разворачиваемые этими науками дискурсивные конструкции включаются в определенный дискурс (эпистемологический дискурс – естественные науки). Но неверно утверждать, что весь корпус знаний включен в этот дискурс. Он включен в той мере, в какой понят теоретиком. Теоретик же в области знаний вводит в свое построение то, что сочтет «существенным», то есть нечто, с его точки зрения, целесообразное, для чего есть место в производимом дискурсе. Дискурс может быть только один. Все другое подвергается процедуре понимания и встраивается в тот дискурс, который разворачивается сейчас. Так ведет себя любой теоретический дискурс («предпосылочный»).

Можно поставить вопрос о «беспредпосылочном» дискурсе. Такой дискурс, также будучи некоторой терминологической конструкцией, должен предъявить такие отношения своих терминов, которые могли быть предпосылками всякого возможного дискурса. Именно этот дискурс и называется философским.

Его термины, называемые философскими категориями, носят характер всеобщности, поскольку с их помощью можно говорить о любом дискурсе. Философ стремится подвергнуть процедуре понимания любой дискурс, могущий попасть в его поле зрения. Любой дискурс может быть философским. Философ должен строить свою конструкцию так, чтобы никакой, пусть даже неизвестный ему, дискурс не мог выпасть из его построения. Философский дискурс эгоцентричен, он заранее претендует на абсолютность. Для этого необходимо помыслить о последнем пределе или о точке порождения единого дискурса (мыслящая субстанция Декарта, чистое сознание Гуссерля, а priori Канта, абсолютный дух у Гегеля, «Я» Фихте).

В суть этого изложения закрадывается опасность неверных трактовок тех или иных дискурсивных практик. Но различие одного дискурса от другого достаточно весомо. В силу некоторых желаний создать свою, заведомо приемлемую дискурсивную конструкцию, теоретику необходима такого рода теоретическая слаженность для его создаваемой концепции, так как зачастую происходит ошибочное воспроизведение теоретического дискурса как философского. Вопросы относительно соотносимости философского и теоретического дискурсов приводят к

заключению: теоретический дискурс всегда есть часть философского, есть суть философского дискурса.

Исследование дискурсивных комбинаций модернистского и постмодернистского направлений, на мой взгляд, выявляет эту затрудненность – определение теоретического дискурса как философского, но это не принципиальное видение, так как, если исходить из наличия терминологических конструкций, то все они являются философскими дискурсами.

Необходимо уделить особое внимание постмодернизму и заглянуть внутрь его культурного слоя, где, как известно, и разворачивается полноценное представление о дискурсе в целом.

Постмодернизм не представлен в собственной философской глубине, его мир – это мир «поверхностей», игра частностями. Он не доверяет миру в тех красках, в которых он представлен традиционно, его волнует сама реальность без ее иллюзорности. Постмодерн разочарован миром, собственное разочарование он пытается прикрыть игрой (дискурсивной игрой).

Постмодернистская игра идет в тени, а точнее - в полумраке подземелий культуры. Доказательством этого служат характерные для постмодернистов понятия, складывающиеся дискурсивный анализ мира знаков. Для иллюстрации показательным является понятие «ризомы» (Ж. Делез, Ф. Гваттари) - образ корневой системы растения – образ сугубо подземный. Хотя речь шла о «поверхностях», смысл глубины остался. Умберто Эко хотел сказать о смехе и запертой на ключ, молчащей культуре и взял для образности «лабиринт» [3, с. 322] – образ тоже подземный. Примеры можно умножать.

Именно в «лабиринте» или в «ризоме» заключен мир постмодернистов, то символическое пространство, где он может проявлять себя в полной мере. В этом смысле постмодернизм соприкасается с миром барокко, отличаясь от него тем, что если в барокко игра была еще чем-то значимым, то здесь и само отношение к игре стало игровым.

Представители постмодерна реализовали замысел собственных игр. Игр – играющего ума. Каждый «игрок» движется самостоятельно и играет согласно правилам, значимым только для него (порядок дискурса). В данном случае целью дискурса являются разногласия, а не консенсус.

Порядок дискурсивных явлений обусловлен в понимании с появлением постмодернистского направления, если исходить из тех сведений, которые можно почерпнуть из общеизвестных источников. Но бытийное его существование (практическое), исходя из работ М. Фуко, имеет достаточно ранние признаки существования в среде социально-культурного развития человека (античный период времени).

Дискурс, по словам Фуко, принадлежал к доминантным и привилегированным феноменам культурного пространства, дискурс «вершил правосудие и присуждал каждому его долю». В силу его возникновения и развития устанавливается «порядок дискурса» [4, с. 16] (Фуко) с характерными признаками изменения и дополнения. Например, применительно к традиционной культуре одной из сфер жесткой регуляции дискурса выступала так называемая сфера наррации - предпринятый языковой акт, т.е. вербальное изложение. Важным его признаком

являлась самодостаточность и самооценность. По сути, это процесс повествования, разворачиваемый «ради самого рассказа, а не ради прямого воздействия на действительность, т.е., в конечном счете, вне какой-либо функции, кроме символической деятельности как таковой»[5, с. 98] (Р. Барт). В этом особенно заметно углубление в возможности дискурсивных явлений.

Трансформирование дискурса в практике подтверждалось усилиями новых языковых (речевых) изложений. Обусловлены они были порядком построения в практическом освоении дискурсивных сред, т.е. возможностью иметь отправную точку и цель в абсолютном ее понимании. К примеру, по Фуко, «идти от дискурса» (наличного) к «его проявлениям» - к условиям его возможности. И возникающие впоследствии терминологические условия: «события», «серии», «регулярность», «условия возможности» [6, с. 89] - явно выраженные дискурсивные качества. Даются основания для существования того или иного дискурса, выделяются границы «повествования», но даже ограничивая рамки существования в культурной среде, дискурс бесконечен по всем своим признакам. Он всегда есть акт «увиденного, узнанного» и как следствие «проговариваемого». К примеру, роль игры в разрезе социокультурных трактовок: игра как нечто возникшее раньше культуры. Границы «повествования» бесконечны, начиная с игр животных и заканчивая играми человека (Й. Хейзинга «Homo ludens»).

Хейзинга стремится проследить роль игры во всех сферах человеческой жизни – в поэзии, науке, праве, философии, войне и мире, в быту – и во всей истории. Он не ставит перед собой цель проанализировать сам культурный материал, не подтверждает, а лишь иллюстрирует свою мысль. Поэтому в «Человеке играющем» нет ничего, кроме провозглашения игры как универсалии культуры с тем, чтобы показать, как на современном этапе развития культуры, эта универсалия подвергается трансформации и тем подтвердить тезис о кризисе культуры.

«Игра» - первичная жизненная категория, она не связана ни с какой ступенью культуры, ни с какой формой мирозерцания. «Каждое мыслящее существо может представить игру, даже если в языке нет такого понятия; можно отрицать все абстракции: право, красоту, бога. Все серьезное можно отрицать, но не игру»[7, с. 13]. Подобный тезис трудно проверить, да и представляет он собой, пожалуй, риторический пассаж. Хейзинге важнее доказать значимость игровой ментальности, чем представить строгие доказательства.

Попытка определить игру очень трудна, но можно выявить ее основные признаки. Эти признаки, по Хейзинге, могут четко характеризовать понятие постмодернистского дискурса и его порядок, при этом не искажая игру как дискурсивное явление. Анализ игры посредством дискурса является задачей для современного понимания и представления об игре в контексте культуры.

Итак, основные признаки игры, по Хейзинге, следующие.

1. Добровольность. Игра – не задача, не долг, не закон. По приказу играть нельзя. Игра есть свобода.

2. Неординарность. Игра – перерыв в повседневности с ее утилитаризмом, с ее монотонностью, с ее жестокой детерминацией образа жизни.

3. Игра – «инобытие». Подчиняясь лишь правилам игры, человек свободен от всяческих сословных, меркантильных и прочих условностей. Игра снимает то жесткое напряжение, в котором пребывает человек в своей реальной жизни, и заменяет его добровольной и радостной мобилизацией духовных и физических сил.

4. Ограниченность. Игра конечна во времени и пространстве. «Зона игры» - арена, сцена, карточный стол – выделены и защищены. Время четко ограничено. Все это относится к игре воображения и интеллекта, хотя и с поправкой на духовность ее бытия.

5. Фиксированность системой правил, которые абсолютны и несомненны. Она создает в «зоне игры» [7, с. 25] свой порядок. Благодаря правилам игра возобновляется вновь и вновь.

6. Эстетичность. Стремление к совершенству. «Игра создает гармонию» [8, с. 80]. Она имеет тенденцию становиться прекрасной. Хотя в игре существует элемент неопределенности, противоречия в игре стремятся к разрешению.

7. Способность к вовлечению. В игре нет частичной выгоды. Она интенсивно вовлекает всего человека, активизирует его способности.

8. Сплачивающая и группообразующая способность игры.

Но на этом не заканчиваются характеристики игры. Ее возможности саморепрезентации оказываются безграничными, она осуществима во всех культурных, социальных, индивидуалистских схемах социума, ее безграничность подчеркивается и в сознании человека как феномене человеческого. Способность легитимации игры в человеческом сознании - это безусловность, которая формируется благодаря особому видению постмодернистов, в частности, Ж. Делеза. Здесь начинается теория игры и игр. Попытка поделить игры на игры с участниками, от ловкости которых зависит выигрыш, и на игры, в которых случай определяет исход (природа правил равная) становится основанием для определения человеческой игры. Бытие человека становится «игрой в кости» [6, с. 78], где случай вершит исход человеческой жизни. В этом суть «идеальной игры» [6, с. 70]. Но при этом «идеальная игра» не может быть сыграна ни человеком, ни Богом, она является реальностью только самой человеческой мысли. Она бессознательное самой чистой мысли. Она не дает ничего, кроме побед для тех, кто знает, как играть, т. е. как утверждать и разветвлять случай, а не разделять последний ради того, чтобы властвовать над ним, чтобы рисковать, чтобы выигрывать. Но необходимо вновь вернуться к особенностям дискурса, дискурсивности для более обширного представления их явлений в конкретных примерах.

Структуралистские и постструктуралистские видения дискурсивности бытия подчеркивают новые стороны практической обусловленности дискурса. Здесь дискурс выступает как рефлексивная речевая коммуникация, предполагающая самоценную процессуальность проговаривания всех значимых для участников коммуникации аспектов. Мир становится «текстуализированным», опирается на концепцию языка как единства означающего и означаемого. Центром внимания постструктуралистов становится «книжка» структуры (внеструктурные параметры). «Вне текста» нет ничего, реальность – это есть языковая реальность. Объективный мир всегда структурирован при помощи тех или иных языковых средств. Согласно постструктурализму, не может существовать чистого языка-объекта, который был бы способен функционировать как абсолютно прозрачное средство означивания предзаданной ему действительности.

Человек, в любом отношении с внешним, является носителем дискурса, который погружен в дискурсивную среду, которая и есть тот единственный мир, дашный ему. То есть, если человек погружен в процесс «окультуривания» посредством столкновения с социумом, а в основе культуры лежит игра, то она является той дискурсивной средой, в которой существует человек в процессе своей социализации, той, которую он проговаривает. Как субъект-субъектные, так и субъект-объектные отношения растворяются в игре дискурсивных кодов («порядок дискурса» [4, с. 25] Фуко), от возможностей дискурса к его сути.

Дискурс - насилие, которое мы совершаем над вещами, репрезентируя в себя специфику характерного для той или иной социокультурной среды типа рациональности, в силу этого дискурс охарактеризован как «некая практика», которую мы навязываем внешней по отношению к дискурсу предметности. Под практикой может подразумеваться некий опыт взаимодействия человека со структурой дискурсивных сред. К примеру, дискурс власти, в котором человек всегда находится в различном восприятии. Либо он во власти дискурса, либо в дискурсе власти. Суть метафоры не меняется, это всегда есть «власть, даже если она гнездится в сфере безвластия» [5, с. 112] (Р. Барт).

Опыт предполагает увеличение возможностей дискурса. Его наличие в социальной среде определяет более конкретное наличие в психологических образах «Я», для психологических концепций индивидуальной личности и человеческого субъекта; в социологических противопоставлениях индивида и общества; в политических принципах идеологических структур; в конкретных примерах социализации как в теории ролей индивидуумов. Другими словами, речь идет о возможных качествах дискурса, обусловленного либо не обусловленного действительностью, но существующего в сознании человека как возможность существующего. Необходимость и потребность, возникшая в сознании человека, понять особенности человеческого возникновения, развития, поведения, природы человеческих суждений, его многоликости и многогранности – все это лежит в основе дискурса как такового. Но не суть принятие дискурса как очередного «фарса» в философии, а возможность нахождения ответов на возникшие за многие тысячелетия вопросы, есть суть рассуждений.

Список литературы

1. Гуменюк Т.К. Жак Деррида и постмодернистское мышление. - К.: Норапринт, 1999.
2. Ван Дейк Т.А. К определению дискурса./ Пер. с англ. А. Дерябина – М., 1999.
3. Эко У. Имя розы. М.: Кн.палата, 1989.
4. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуман. наук/ Пер. с фр., вступ. статья Н. С. Автономовой. – М.: 1966.
5. Барт Р. Мифологии./ Пер. с фр., вступ. статья и коммент. С. Н. Зенкина. – М.: Издательство им. Сабашниковых, 1996.
6. Делез Ж. Логика смысла: Пер.с фр. – Фуко М. *Teatrum philosophicum*: Пер.с фр. - М.: «Раритет», Екатеринбург: «Деловая книга», 1998.
7. Хейзинга Й. *Homo ludens*. Человек играющий / Пер. с нидерл. В.В. Ошиса. – М.: Изд-во ЭКСМО – Пресс, 2001.
8. Гессе Г. Паломничество в страну Востока. Игра в бисер. Рассказы. – М.: 1984.

Поступило в редакцию 15.02.04